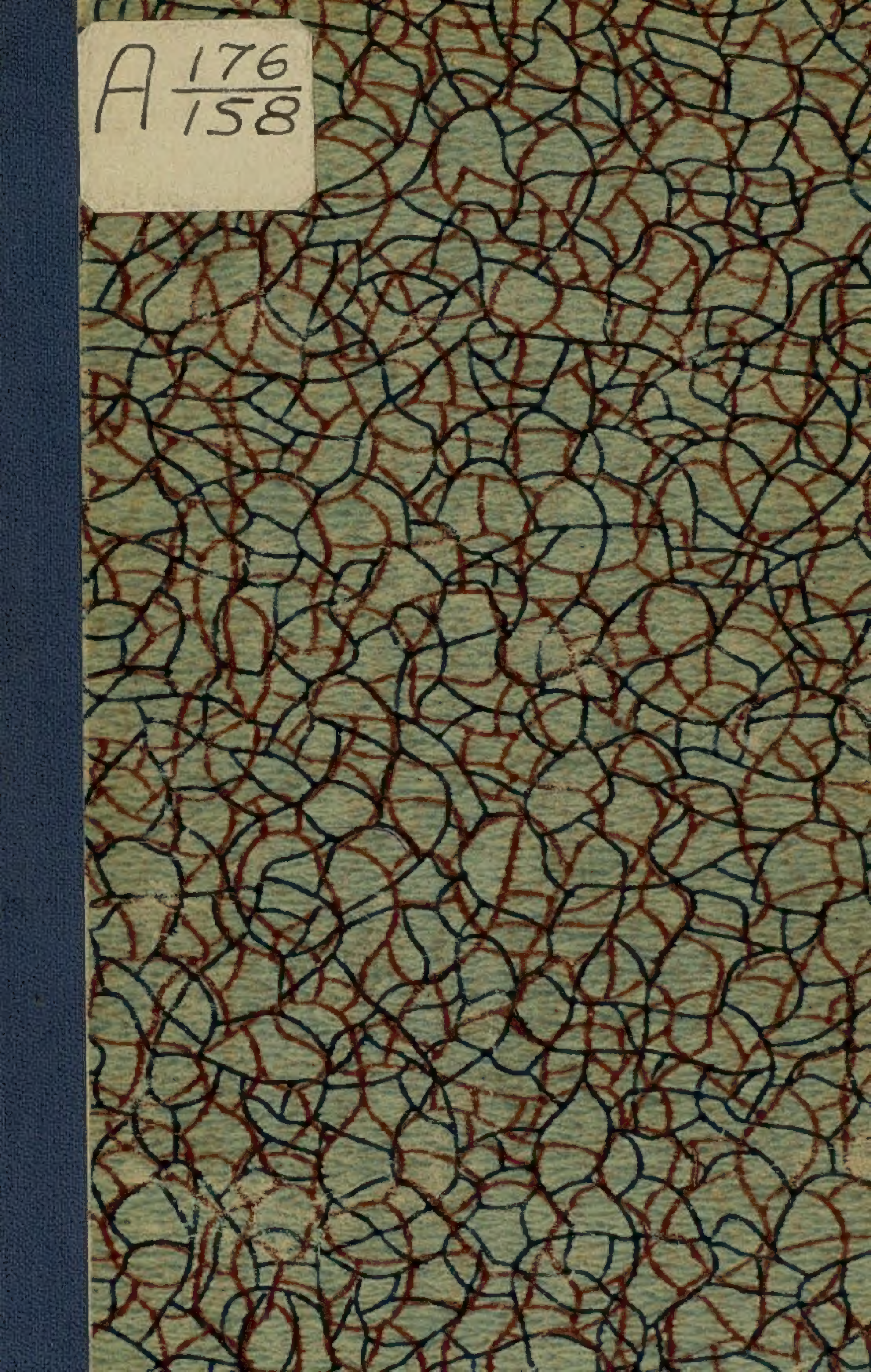
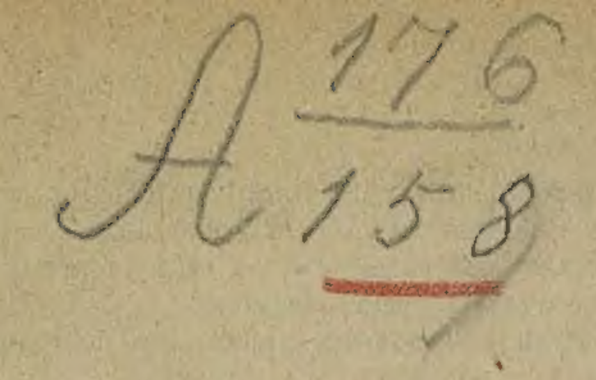

A 176/158

2007055067

Н. С. Таганцева, Курсъ русскаго уголовнаго права. Часть общая, книга 1 выпускъ III. Спб. 1880.

Первая половина текущаго года обогатила нашу литературу нѣсколькими уголовно-юридическими изданіями. Видное между ними мѣсто занимаетъ трудъ профессора с.-петербургскаго университета Н. С. Таганцева, заглавіе котораго приведено выше.

„Курсъ" г. Таганцева началъ появляться въ печати съ 1874 года, когда вышелъ первый его выпускъ ученія о преступленіи, трактовавшій о субъектѣ и объ объектѣ преступленія. Послѣ четырехъ-лѣтняго пере-

рыва, въ 1878 г., появился второй выпускъ, самый капитальный, излагавшій ученія о внутренней и о внѣшней сторонѣ преступнаго дѣянія. Вышедшимъ нынѣ выпускомъ, который содержитъ въ себѣ ученіе о соучастіи, авторъ заканчиваетъ отдѣлъ о преступленіи.

Эти длинные перерывы вполнѣ объясняются характеромъ почтеннаго изданія профессора Таганцева.

Оно занимаетъ среднее мѣсто между „курсами" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которые ставятъ себѣ задачею въ самомъ сжатомъ видѣ свести къ одному знаменателю накопившійся по данной области знанія матерьялъ, и „монографіями", разрабатывающими предметъ нетолько въ общихъ его чертахъ, но и въ деталяхъ, которые для спеціалиста представляютъ особенный интересъ, но обработка которыхъ требуетъ больше времени и труда. Многія части курса г. Таганцева до такой степени детальны, что скорѣе принадлежатъ къ типу трудовъ монографическихъ.

Этотъ характеръ носитъ весь третій выпускъ его, посвященный ученію о соучастіи, въ высшей степени интересному и едва-ли не самому богатому монографической разработкой въ литературахъ иностранныхъ, преимущественно въ германской. Съ извѣстною уже читателямъ сочиненій Н. С. Таганцева эрудиціею, авторъ излагаетъ догматическое ученіе о соучастіи, оставаясь на почвѣ сравнительнаго правовѣдѣнія. Слѣдуя послѣднимъ указаніямъ науки и оставаясь вѣренъ своимъ положеніямъ о причинной связи (вып. II стр. 297 и сл., 307 и сл.), авторъ раздѣляетъ соучастіе въ преступленіи на двѣ группы: соучастіе въ тѣсномъ смыслѣ (§ 1) и прикосновенность (§ 2). Изложивъ сперва понятіе о соучастіи въ тѣсномъ смыслѣ, его общіе признаки и его формы (скопъ: сговоръ, шайка), авторъ переходитъ къ вопросу о видахъ участія и объ отвѣтственности соучастниковъ, по которому имъ представлена весьма подробная разработка сравнительно догматическаго матерьяла въ его историческомъ развитіи. Онъ сводитъ участвующихъ въ совершеніи преступленія къ тремъ типамъ: 1) физическіе исполнители, принимавшіе участіе въ самомъ совершеніи преступленія; 2) пособники, словомъ или дѣломъ оказавшіе содѣйствіе исполнителямъ, и 3) подстрекатели, вовлекшіе другихъ въ сообщество. Но это дѣленіе авторъ принимаетъ только „съ точки зрѣнія классификацій", замѣчая, что „всякія попытки различать a priori, въ интересахъ наказуемости, категоріи участвующихъ, какъ объективныя, такъ и субъективныя, оказываются несостоятельными" (стр. 52). Какъ видно изъ послѣдующаго изложенія, это не совсѣмъ ясно формулированное положеніе означаетъ, что авторъ, примыкая къ французскому типу, находитъ неправильнымъ установленіе въ самомъ законѣ какихъ либо, какъ объективныхъ, такъ и субъективныхъ признаковъ разграниченія между участвующими лицами по важности наказанія и, слѣд., требуетъ уравненія въ законѣ по наказуемости всѣхъ соучастниковъ, съ тѣмъ, чтобы судъ, по соображеніи индивидуальныхъ условій дѣятельности каждаго, отдѣлялъ самъ маловажныхъ участниковъ отъ главныхъ. Весьма подробно въ разсматриваемомъ курсѣ излагается также ученіе о подстрекательствѣ (стр. 64 и сл.), за которымъ слѣдуютъ любопытные вопросы о вліяніи на отвѣтственность каждаго изъ участниковъ увеличивающихъ и уменьшающихъ

виду обстоятельствъ (стр. 97 и сл.) и объ условіяхъ, при которыхъ наказуемость ихъ можетъ отпасть (стр. 113 и сл.). Закончивъ этимъ ученіе о соучастіи въ тѣсномъ смыслѣ, авторъ переходитъ къ прикосновенности, которая ставится имъ совершенно иначе, чѣмъ дѣйствующимъ нынѣ русскимъ уголовнымъ законодательствомъ. Дѣйствія, въ нее входящія, по замѣчанію автора, составляютъ особыя самостоятельныя преступленія; потому ее нельзя разсматривать какъ особый типъ соучастія и даже какъ дополнительное сопиновничество. Это положеніе роскошно иллюстрируется данными исторіи законодательствъ и науки права (стр. 120 и сл.). Переходя за тѣмъ къ положительному русскому матерьялу, авторъ подвергаетъ сперва внимательной критической оцѣнкѣ общую постановку у насъ прикосновенности, затѣмъ (стр. 150 и сл.) предлагаетъ драгоцѣнный, даже послѣ трудовъ г. Неклюдова, для практики анализъ отдѣльныхъ типовъ прикосновенности попустительства, укрывательства и недонесенія.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе новаго выпуска труда профессора Таганцева. Важность вопроса, о которомъ онъ трактуетъ, тщательная разработка его какъ въ общей постановкѣ, такъ и въ деталяхъ, основанная на внимательномъ изученіи обширной литературы, дѣлаютъ настоящій выпускъ особенно пріятнымъ пріобрѣтеніемъ для русскихъ юристовъ.

Въ немъ мы получаемъ обстоятельную работу о соучастіи въ преступленіи, имѣющую всѣ достоинства труда монографическаго и, въ тоже время, избѣгающую важнаго недостатка, въ который перѣдко впадаютъ монографіи—односторонности, такъ какъ авторъ провѣряетъ положенія о соучастіи началами, помѣченными имъ въ изданныхъ уже выпускахъ курса.

Это послѣднее обстоятельство сообщаетъ всему принятому авторомъ ученію ясность, послѣдовательность и стройность. Но въ немъ не нужно искать объясненія и неправильныхъ отвѣтовъ, даваемыхъ авторомъ по нѣкоторымъ вопросамъ этого ученія.

Легко видѣть, въ самомъ дѣлѣ, что отвѣтъ, выведенный дедуктивно изъ извѣстнаго общаго положенія, будетъ хорошъ, правиленъ тогда только, когда хорошо то общее начало, котораго онъ является логическимъ выводомъ. Новый трудъ г. Таганцева долженъ быть оцѣниваемъ въ связи съ изданными имъ уже выпусками курса, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ является лишь приложеніемъ къ спеціальному ученію о соучастіи общихъ началъ, принятыхъ имъ ранѣе.

Еще во второмъ выпускѣ (стр. 266 и сл.) авторъ защищалъ положеніе, что „способъ дѣйствія не имѣетъ вліянія на юридическую конструкцію преступленія". Хотя тогда онъ допускалъ отсюда и исключеніе, замѣчая (стр. 271) что въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ дѣйствія служитъ основаніемъ разграниченія неправды уголовной отъ неправды гражданской, „является существеннымъ условіемъ самого бытія преступленія", но это исключеніе въ его глазахъ, только подкрѣпляло силу общаго правила. На немъ онъ твердо стоитъ и въ новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи.

Посмотримъ же, куда автора привелъ этотъ избранный имъ маякъ.

„Для подстрекательства—говоритъ онъ (стр. 64)—необходимо только доказательство вовлеченія въ преступленіе, но безразлично, какими путями и средствами совершилось это вовлеченіе. Все ученіе о средствахъ подстрекательства авторъ относитъ къ казуистическимъ тонкостямъ схоластики, и находитъ, что всякое дѣйствіе или бездѣйствіе, которымъ другое лицо было вовлечено въ преступленіе, отвѣчаетъ понятію наказуемаго подстрекательства. Разрѣшеніе вопроса, было или нѣтъ данное дѣяніе подстрекательствомъ, должно зависѣть не отъ способовъ дѣятельности, а единственно отъ существованія или отсутствія въ данномъ случаѣ причинной связи. Обыкновенно оно является въ простѣйшей формѣ прямаго направленія воли совершившаго, но оно возможно и подъ видомъ склоненія къ противоположному, запрета того дѣйствія, котораго совершеніе вмѣняется исполнителю. Развивая это положеніе, авторъ идетъ такъ далеко, что признаетъ наказуемое подстрекательство и въ тѣхъ случаяхъ, когда склоненіе къ противуположному, запрещеніе преступнаго дѣйствія, вызвало его благодаря упрямому, самолюбивому, самодурному характеру подговариваемаго, для котораго чей либо совѣтъ всегда являлся основаніемъ совершенно противоположной дѣятельности. Въ выноскѣ (278) поясняется, что здѣсь авторъ имѣетъ въ виду типы Островскаго изъ темнаго царства.

Далѣе этого распространять дѣйствіе уголовнаго правосудія едва-ли возможно. Самые характерные типы самодуровъ Островскаго—Большовъ („Свои люди сочтемся“), Торцовъ („Бѣдность не порокъ“), Брусковъ („Въ чужомъ пиру похмѣлье“) и наиболѣе изъ нихъ симпатичный Русаковъ („Не въ свои сани не садись“). Большовъ становится злостнымъ банкротомъ вслѣдствіе сложнаго духовнаго процесса, первымъ моментомъ котораго было—нежеланіе разстаться съ деньгами, вторымъ—злоба на кредиторовъ вслѣдствіе отказа ихъ принять предложенную сдѣлку, третьимъ—„юридическія“ наставленія Рисположенскаго. Если прокурорскій надзоръ предположитъ, что кредиторы упорно отказывались отъ предложенной имъ сдѣлки вслѣдствіе зависти къ Большову и желанія видѣть его банкротомъ, то, по теоріи Таганцева, онъ воленъ привлечь всѣхъ ихъ на скамью подсудимыхъ въ качествѣ подстрекателей Большова, да кстати прибавить къ нимъ и Рисположенскаго. Торцовъ, Брусковъ—матерьялъ, еще легче поддающійся дѣйствію упрямства, еще болѣе удобный для составителя обвинительныхъ актовъ. Легко видѣть, однако, что примѣненіе къ этимъ типамъ теоріи г. Таганцева означало бы возвращеніе къ навсегда, надѣемся, оставленному порядку инквизиціи, который возложилъ бы на судъ обязанность читать не во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, а исключительно въ сердцахъ, и при которомъ никто не былъ бы обезпеченъ отъ скамьи подсудимыхъ.

Структура подстрекательства далеко не такъ проста, какъ можно заключить изъ сочиненія г. Таганцева. Авторъ строитъ ее на началахъ причинности; но при спеціальномъ изложеніи вопроса о причинной связи (вып. 2, стр. 315 и сл., 321) онъ самъ указывалъ, что при произведеніи преступнаго послѣдствія силами нѣсколькихъ лицъ связь перваго дѣйствія и результата исчезаетъ, если второе лице само отвѣчаетъ за совершенное и присоединившійся дѣйствовалъ умышленно.

Правда авторъ оговаривалъ, что иначе этотъ вопросъ ставится при соучастіи (п. 413), но тогда никакихъ этому доказательствъ не представлялъ. Онѣ должны были появиться во вновь изданномъ выпускѣ, гдѣ подобіе разрѣшенія этого вопроса мы находимъ только на стр. 74. Трудно назвать его сколько нибудь удачнымъ. Примыкая положенія свои къ теоріи закономѣрности человѣческихъ дѣйствій, авторъ говоритъ: „если каждое лицо въ своей дѣятельности опредѣляется мотивами, вытекающими частью изъ собственнаго опыта, характера, привычекъ дѣйствующаго, частью изъ обстоятельствъ, окружающихъ виновнаго въ данный моментъ, то, конечно, въ числѣ послѣднихъ можетъ быть и прямое воздѣйствіе третьяго лица. Дѣйствія лица, совершенныя вслѣдствіе подговора, убѣжденій другаго, — являются *вполнѣ аналогичными* (sic) съ дѣйствіями, вызванными ощущеніями голода, жажды, а потому вмѣняются совершившему, такъ что наличность подговора не исключаетъ отвѣтственности подговореннаго". Что касается подговорщика, то для *обоснованія* отвѣтственности его за совершенное виновникомъ преступленіе не приводится никакихъ общихъ философскихъ соображеній; говорится лишь, что отвѣтственность его вытекаетъ изъ возбужденія, вовлеченія имъ виновника на совершеніе преступленія, причемъ разсматриваются подробно признаки такого вовлеченія (пп⁰ 454, 455, 456, 457, 463, 464). Но во 1-хъ одна ссылка на теорію закономѣрности ничего не разрѣшаетъ; по началамъ ея, съ равною основательностью можно утверждать, что вовлекающею въ преступленіе дѣятельностью слѣдовало-бы признать дѣятельность родителей, оставившихъ свое дитя безъ средствъ жизни, наставниковъ, не сообщившихъ ему подлежащихъ нравственныхъ правилъ, всей власти государственной, не достаточно пекущейся о благосостояніи гражданъ; во 2-хъ, если бы дѣйствія, вызываемыя подговоромъ, были вполнѣ аналогичны тѣмъ, которыя совершаются вслѣдствіе голода, жажды и т. под., то къ нимъ слѣдовало бы примѣнять и общія начала о состояніи крайней необходимости, независимо, притомъ, отъ способовъ подстрекательства; въ 3-хъ, выставивъ положеніе, что умышленная присоединяющаяся дѣятельность другаго лица уничтожаетъ причинную связь первой дѣятельности съ результатомъ, авторъ не предлагаетъ обѣщанныхъ во второмъ выпускѣ доказательствъ, что отсюда слѣдуетъ допустить исключеніе для подстрекателей, между тѣмъ само собою это не можетъ подразумѣваться: міръ сознанія и желаній, на который приходится дѣйствовать подстрекателю, до такой степени сложенъ, произведенное виновникомъ послѣдствіе является результатомъ условій до такой степени разнообразныхъ, и вліяніе подстрекателя до такой степени переплетается здѣсь съ индивидуальными импульсами физическаго виновника, что въ интересахъ научныхъ было-бы желательно болѣе тщательная разработка вопроса о причинной связи подстрекательствъ съ совершившимся преступленіемъ.

Мы привели положеніе г. Таганцева, согласно которому всякое вовлеченіе въ преступленіе, какими бы способами оно произведено ни было, относится къ наказуемому подстрекательству. Однако самъ авторъ

не могъ съ полною послѣдовательностью выдержать это начало. Отступленія отъ него мы видимъ въ слѣдующемъ.

Изъ показуемаго подстрекательства онъ выдѣляетъ возбужденіе къ преступленіямъ путемъ печати или публично произнесенныхъ рѣчей (стр. 67 и сл.). Правда, въ основаніе такого выдѣленія приводится тотъ аргументъ, что для подстрекательства необходимо возбужденіе „къ данному опредѣленному преступленію, а не къ преступнымъ идеямъ и планамъ вообще", но, во 1-хъ слово, обращаемое къ неопредѣленному множеству лицъ, можетъ быть направлено къ возбужденію цѣлаго ряда преступленій, можетъ дѣйствительно вызвать этотъ результатъ, и все таки не становится подстрекательствомъ; 2) если путемъ устнаго слова допускается подстрекательство даже въ формѣ непрямого возбужденія или замаскированнаго возраженія (стр. 81 и 82), то совершенно не понятно почему авторъ, соглашаясь съ бельгійскимъ криминалистомъ Гаусомъ, утверждаетъ, что не прямое возбужденіе путемъ печати не есть подстрекательство. Очевидно, спорить противъ этого безпорнаго въ современной юриспруденціи положенія авторъ не могъ; но не менѣе ясно, что оно стоитъ въ рѣдкомъ противорѣчіи съ его теоріей.

Далѣе, авторъ былъ также вынужденъ выдѣлить изъ подстрекательства безмолвное порученіе (стр. 79) и тѣ случаи, когда преступленіе совершается по истеченіи весьма значительнаго промежутка времени послѣ подговора. „Нельзя, говоритъ онъ, считать подстрекателемъ лицо, нѣсколько лѣтъ тому назадъ склонявшее другого къ преступленію и уже, можетъ быть, даже забывшее о своемъ подговорѣ", и прибавляетъ: „судья долженъ тщательно разсмотрѣть, существовала-ли причинная связь въ данномъ случаѣ, между подговоромъ и совершеннымъ преступленіемъ". Намъ кажется, что между этими двумя положеніями существуетъ непримиримое противорѣчіе. Если и здѣсь разрѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону зависитъ отъ усмотрѣнія суда, то незачѣмъ было говорить о немъ особо. Выдѣляя его и отводя ему самостоятельное мѣсто, авторъ, очевидно, сказалъ, что не всякое возбужденіе къ совершенію преступленія должно быть относимо къ подстрекательству, а только, удовлетворяющее извѣстнымъ условіямъ, — и именно, какъ видно изъ приведеннаго случая, между прочимъ условію *внѣшней распознаваемости* связи вовлеченія съ совершившимся преступленіемъ. А если такъ, то, въ свою очередь, *способъ* вовлеченія, какъ одинъ изъ весьма важныхъ признаковъ внѣшней распознаваемости, тѣмъ самымъ является необходимымъ признакомъ наказуемаго подговора.

Авторъ, какъ уже замѣчено, выступаетъ противникомъ всякихъ разграниченій соучастія въ тѣсномъ смыслѣ *по наказуемости*. Мы вполнѣ присоединяемся къ этому очень смѣлому въ нашей литературѣ положенію, хотя бы, потому уже, что новый судъ нуждается и въ новой конструкціи уголовно-юридическихъ нормъ.

Равнымъ образомъ мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ ту прекрасную разработку ученія о прикосновенности, съ постановкою его на совершенно новую почву, которая дана г. Таганцевымъ. Въ этой части

труда наиболѣе цѣнны критическія замѣчанія автора относительно дѣйствующаго законодательства.

Дм. Тальберга, Насильственное похищеніе имущества по русскому праву (разбой и грабежъ). С.-Петербургъ, 1880 г.

Имя молодаго автора этого труда появляется въ нашей печати уже не въ первый разъ. Оно встрѣчалось на страницахъ „кіевскихъ университетскихъ извѣстій“, московскаго „юридическаго вѣстника“, „Русской старины“ и „Вѣстника Европы“, гдѣ въ прошломъ году г. Тальбергъ помѣстилъ дѣльную работу относительно нашей сахалинской ссылки.

Но всѣ предшествующія работы г. Тальберга посвящались пенитенціарному вопросу и были журнальными статьями. Теперь авторъ впервые выступаетъ съ подробною монографіею историко-догматическаго свойства, которая, какъ намъ извѣстно, составляетъ его магистерскую диссертацію.

Этотъ родъ сочиненій поставленъ въ совершенно особое, исключительное положеніе. Онѣ вынуждены сообразоваться не только и даже не столько съ потребностями читателей, сколько съ требованіями даннаго факультета, мало того — спеціалиста по извѣстному предмету въ данномъ факультетѣ. На магистерскихъ диссертаціяхъ лежитъ обыкновенно печать двухъ лицъ: автора и профессора, подъ руководствомъ котораго онъ работаетъ, который иногда (какъ бываетъ въ иныхъ университетахъ) диктуетъ самую тему. Задача книги свободной — развить опредѣленную мысль; ближайшая задача диссертаціи магистерской — обнаружить пріобрѣтенныя знанія. Такъ, по крайней мѣрѣ, ставится вопросъ практически и такъ онъ будетъ постоянно ставиться, пока существуетъ система этихъ срочныхъ работъ, выполняемыхъ торопливо и, обыкновенно, при мало благопріятныхъ условіяхъ.

Трудъ г. Тальберга свидѣтельствуетъ, что авторъ, стоявшій подъ руководствомъ такого солиднаго ментора, какъ профессоръ Кистяковскій, успѣлъ пріобрѣсти весьма основательныя познанія въ области уголовнаго права и вышелъ съ честью въ такомъ новомъ для него родѣ труда, какъ историко-догматическое изслѣдованіе. Сочиненіе автора носитъ по преимуществу характеръ исторической разработки, рисующей автора весьма начитаннымъ, внимательнымъ и добросовѣстнымъ труженикомъ. Въ первыхъ пяти главахъ своего сочиненія, онъ излагаетъ исторію русскаго и литовскаго законодательствъ о насильственномъ похищеніи чужаго имущества, ставя ее мѣстами въ связь съ данными исторіи народовъ западно-европейскихъ. При изложеніи историческомъ, авторъ идетъ обыкновенно къ первымъ источникамъ, не довольствуясь пособіями. Шестая и послѣдняя глава посвящена догматическому анализу дѣйствующаго законодательства; очевидно, на разработку ея у автора не хватило времени, почему здѣсь попадаются мѣстами шероховатости и недосмотры. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ примѣровъ этого рода — отожествленіе предмета преступленія въ разбоѣ и грабежѣ (стр.

126 и сл.), между тѣмъ какъ ст. 1627 и 1637 улож. о наказ. не даютъ на это права.

Впрочемъ, встрѣчающіеся въ книгѣ г. Тальберга недосмотры находятъ себѣ достаточное объясненіе въ срочномъ характерѣ диссертацій. Тоже обстоятельство, очевидно, вызвало и малоразвитость, — сухость слога, которая скрадываетъ огромный трудъ, положенный авторомъ, вредитъ книгѣ въ глазахъ читающей массы, и которой мы не встрѣчали въ прежнихъ произведеніяхъ г. Тальберга. Но несмотря на это, новое его сочиненіе представляетъ собою весьма пріятное явленіе въ нашей уголовно-юридической литературѣ, какъ первая попытка строго-научнаго изслѣдованія весьма важной области имущественныхъ преступленій. Авторъ съ полнымъ правомъ пріобрѣлъ ученую степень и обѣщаетъ стать однимъ изъ полезныхъ дѣятелей въ рядахъ русскихъ криминалистовъ.

Н. Д. Сергѣевскаго, О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ. Ярославль, 1880 г.

Сочиненіе г. Сергѣевскаго также принадлежитъ къ области диссертацій, но оно является представителемъ другаго типа, чѣмъ трудъ г. Тальберга: послѣдній имѣетъ своимъ предметомъ разработку положительнаго матерьяла въ его историческомъ развитіи, первое есть изслѣдованіе по отвлеченному вопросу о значеніи причинной связи, на основаніи главнымъ образомъ германской доктрины.

Г. Сергѣевскій обратилъ на себя вниманіе читающихъ юристовъ вступительною по уголовному праву лекціею, которая была помѣщена въ „Журн. гражд. и угол. пр.“ Ясность слога и мысли, живое и теплое отношеніе къ предмету, новыя струны, мастерски затронутыя лекторомъ пріятно поразили читателей и, по всей вѣроятности, еще болѣе слушателей его устной рѣчи. По лекціи этой можно было судить, что г. Сергѣевскій обладаетъ позитивнымъ складомъ ума и съ наибольшимъ успѣхомъ обѣщаетъ работать въ направленіи историческомъ и сравнительно — догматическомъ.

Вышедшее въ свѣтъ сочиненіе его, къ сожалѣнію, принадлежитъ совершенно къ другому типу, что отнюдь не послужило въ пользу автора.

Прежде всего является вопросъ: существуетъ-ли особое понятіе причинной связи въ смыслѣ уголовно-юридическомъ, — такъ какъ только при утвердительномъ на него отвѣтѣ можно объяснить попытку, и притомъ первую попытку начинающаго автора, разъяснить его на основаніи наличнаго запаса *уголовно-юридическихъ* познаній.

Авторъ, понятно, долженъ былъ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный. „Констатированіе причинной связи между явленіемъ и дѣйствіями человѣка есть необходимый предварительный актъ при разрѣшеніи вопроса о *вмѣненіи* этого явленія этому лицу“. Отсюда выводится, что „*теорія права* (?) должна выработать такую формулу, посредствомъ которой можно было бы опредѣлить наличность между дѣйствіемъ и послѣдствіемъ необходимой для вмѣненія связи“ (стр. 15). Если же вопросъ ставится о вмѣненіи уголовно-юридическомъ, то, по мнѣнію автора, должна

быть рѣчь и о причинной связи въ томъ же уголовноюридическомъ смыслѣ (стр. 73, 86).

Но такое расчлененіе понятія причинной связи на значительное число „смысловъ" или видовъ только запутываетъ дѣло. Понятіе причинной связи вовсе не относится ни къ области понятій юридическихъ вообще, ни уголовно юридическихъ въ частности, и изъ того, что криминалистъ долженъ опираться на него, настолько же вытекаетъ необходимость или даже возможность разработки его по уголовно-юридическимъ пріемамъ и на основаніи уголовно-юридическаго запаса знаній, какъ еслибы кто сталъ утверждать, что уголовное право должно заняться ученіемъ о происхожденіи идей, такъ какъ въ немъ лежитъ разрѣшеніе уголовно-юридическаго вопроса о преступномъ умыслѣ, или о народномъ благосостояніи, такъ какъ имъ условливается лѣстница наказаній и даже объемъ запрещенныхъ дѣяній, и т. под. При подобномъ пріемѣ, очевидно, подъ уголовное право можно было бы подвести всѣ области знанія, до физики и химіи включительно.

Огромный вредъ такого пріема понятенъ. Съ особенною энергіею нужно возставать противъ предвозвѣстниковъ его у насъ, такъ какъ, въ виду бѣдности нашей литературы, мы должны направлять всѣ наши силы на настоятельныя нужды юриспруденціи, не растрачивая ихъ по сторонамъ.

Законъ причинности есть законъ физическій. Вводя въ него элементъ свободной воли, получается возможность разсматривать его и въ системѣ этики, — но не дальше: право беретъ это понятіе готовымъ, основывается на немъ, прилагаетъ его къ юридическимъ явленіямъ, но не можетъ, не должно разработывать его, такъ какъ въ правовомъ матерьялѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для его разрѣшенія. Взявшись за него, юриспруденція можетъ лишь замѣнить его метафизическими пріемами, унаслѣдованными ею въ такомъ обиліи отъ прежняго времени, да и теперь еще благополучно разработываемыми на ея нивахъ.

Сочиненіе г. Сергѣевскаго, всѣмъ своимъ содержаніемъ, подтверждаетъ эту мысль.

Авторъ говоритъ, что ему нужна разработка вопроса о причинной связи для полученія формулы вмѣненія. Но о какомъ вмѣненіи ведетъ онъ свою рѣчь (стр. 15, 18, 73, 86, 93 и мн. др.)? Хотя въ формулѣ, предложенной на стр. 86, говорится о вмѣненіи „въ смыслѣ уголовнаго права", но всѣ указанные здѣсь признаки одинаково приложимы какъ къ родовому обще-этическому понятію вмѣненія, такъ и къ видовымъ его подраздѣленіямъ. „Дѣйствія человѣка, говоритъ онъ, бываютъ причиной въ смыслѣ уголовнаго права (вѣрнѣе — этики) тогда, когда они служатъ однимъ изъ условій явленія и когда, при этомъ, они совершаются съ предвидѣніемъ или съ возможностію предвидѣнія этого явленія какъ послѣдствія; всякое послѣдствіе, стоящее за предѣлами возможности предвидѣнія, представляется для уголовнаго права (но тоже — и для этики вообще) стоящимъ и за предѣлами причинной цѣпи; силы присоединяющіяся не прерываютъ причинной связи, если онѣ имѣютъ значеніе силъ, совпадающихъ или если онѣ могли быть и дѣйствительно были предусмотрѣны дѣятелемъ; *преступная дѣятельность другаго лица, являющагося въ качествѣ присоединяющейся силы, не прерываетъ причинной связи только тогда,*

когда первоначальный дѣйствующій имѣлъ относительно присоединенія ея спеціальныя указанія; сложеніе въ развитіи послѣдствія, т. е. большее или меньшее количество присоединяющихся силъ, а равно и размѣръ времени, протекшаго между дѣйствіемъ и возникновеніемъ послѣдствія, не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія. „Только тѣ строки, которыя напечатаны курсивомъ, имѣютъ спеціальное приложеніе къ уголовному праву, хотя и здѣсь слова „преступная дѣятельность“ могли бы съ удобствомъ быть замѣнены выраженіемъ „вмѣняемая дѣятельность“. Но именно онѣ и стоятъ въ самой рѣзкой дисгармоніи со всею системою автора. Допуская, въ видѣ общаго правила, наличность причинной связи не только при дѣйствительности, но даже и при возможности предвидѣнія послѣдствія, авторъ только для этого спеціальнаго случая дѣлаетъ исключеніе, требуя здѣсь дѣйствительное знаніе и не довольствуясь его возможностью. Съ существомъ отвѣта мы совершенно согласны,—но указываемъ на противорѣчіе его съ другими положеніями и на шаткость арументовъ, которые приводитъ г. Сергѣевскій на стр. 73 — 79. Съ его точки зрѣнія, было бы послѣдовательнѣе и здѣсь дать просторъ судейскому усмотрѣнію и не вводить лишней фикціи въ область уголовнаго правосудія.

Мы согласны съ существомъ предложеннаго г. Сергѣевскимъ рѣшенія на томъ основаніи, что находимъ его необходимою уступкою практическимъ потребностямъ юридической жизни, для которой внѣшняя распознаваемость причинной связи имѣетъ огромное значеніе. Было бы опасно для личной свободы, если бы на скамью подсудимыхъ привлекались лица за присоединившуюся и отвѣтственную передъ закономъ дѣятельность другихъ безъ твердаго внѣшняго признака, доказывающаго, что они именно расчитывали на такое присоединеніе, т. е. знали о будущей ихъ дѣятельности, дѣйствовали по соглашенію съ ними. Но этого признака авторъ не принимаетъ и горячо возстаетъ противъ представителей теоріи способа дѣйствія какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ состава преступленія. Я не буду входить здѣсь въ разборъ доводовъ автора; замѣчу только, что авторъ не привыкъ еще точно читать юридическія книги: такъ напр. мое мнѣніе имъ совершенно искажено, несмотря на недавнее весьма точное воспроизведеніе его г. Таганцевымъ во второмъ выпускѣ его курса, хотя и вышедшемъ въ свѣтъ раньше сочиненія г. Сергѣевскаго, но, кажется, не вполнѣ имъ прочитаннымъ.

Трудъ г. Сергѣевскаго состоитъ изъ двухъ выпусковъ, первый посвященъ догмѣ ученія о причинной связи и приложенію его къ нѣкоторымъ преступленіямъ, второй излагаетъ теоріи криминалистовъ по этому вопросу въ связи съ критическимъ ихъ разборомъ. Законодательнаго матерьяла и судебной практики авторъ не коснулся.

Будемъ надѣяться, что слѣдующій выборъ тэмы г. Сергѣевскимъ будетъ удачнѣе, и что авторъ посвятитъ свой трудъ насущнымъ вопросамъ русской юриспруденціи, которая настоятельно нуждается въ такихъ талантливыхъ и энергическихъ труженикахъ, какъ г. Сергѣевскій.

Кр. Малышева, Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Особое приложеніе. Гражданскіе законы и обычное право Россіи. Томъ I. Спб. 1880.

Это—самая капитальная юридическая работа нашего времени, которая была бы по плечу цѣлой обширной коммисіи, но которая задумана и исполняется силами одного лица, на его рискъ и страхъ. Предпринята она въ самыхъ скромныхъ видахъ университетскаго преподаванія. Читая гражданское право въ здѣшнемъ университетѣ, г. Малышевъ встрѣтился съ затрудненіемъ, состоящимъ въ томъ, что у насъ примѣняется, какъ право дѣйствующее, самый разнообразный положительный матерьялъ, который не только не сведенъ къ одному мѣсту, но даже не весь изложенъ на русскомъ языкѣ. Поэтому, въ видѣ приложенія къ курсу, онъ нашелъ нужнымъ дать сводъ всего наличнаго по гражданскому праву матерьяла, изложивъ его на общедоступномъ для слушателей языкѣ русскомъ. Но, помимо этой скромной цѣли, изданіе г. Малышева ведется до такой степени тщательно, что оно пригодится не для однихъ только студентовъ, а должно сдѣлаться настольною книгою всякого, сколько нибудь образованнаго русскаго юриста.

Огромность труда, предпринятаго и совершеннаго авторомъ, поразительно. Въ первомъ томѣ изложены общія положенія по гражданскому праву и право семейственное. При этомъ сведены въ одну общую систему своды законовъ общій и остзейскій, гражданское уложеніе и законы о брачномъ союзѣ въ царствѣ польскомъ, финляндское уложеніе съ дополнительными къ нему узаконеніями шведскаго и русскаго правительствъ, бессарабскіе источники—шестикнижіе Арменопуло и собраніе законовъ Донича, законы еврейскіе и мусульманскіе и разные матерьялы обычнаго права и судебной практики. Законы финляндскіе г. Малышевъ перевелъ съ нѣсколькихъ сличенныхъ имъ изданій на шведскомъ и частью на нѣмецкомъ языкѣ. Ему же привелось перевести шестикнижіе Арменопуло по греко-латинскому изданію Геймбаха. Еврейское право скомбинировано по библіи и по французскимъ и нѣмецкимъ переводамъ еврейскихъ источниковъ. Коранъ и шеріатъ (проф. Казембека), англійскаго (Родвела) и французскаго (Казимірскаго). Законы монголо-калмыцкіе взяты изъ изданія проф. Леонтовича, и т. д.

Всѣ эти разнообразные источники авторъ сводитъ подъ общимъ заглавіемъ „Гражданскіе законы и обычное право Россіи“. Хотя въ правильности такого названія весьма позволительно усомниться, такъ какъ положенія права, выработанныя до появленія русскаго государства (напр. права еврейскаго, магометанскаго), трудно назвать правомъ Россіи и самъ авторъ замѣчаетъ: „всѣ эти старинные племенные законы и обычаи должны быть строго различаемы отъ дѣйствующаго нынѣ законодательства; *они принадлежатъ къ области исторіи и этнографіи, а не къ судебной практической системѣ права*“ (стр. XXVII); хотя по той же причинѣ можно усомниться въ цѣлесообразности принятой авторомъ системы ра-

сположенія всего поднятаго имъ, чрезвычайно пестраго по своему содержанію и значенію, матерьяла въ одной общей системѣ хотя въ такомъ обширномъ трудѣ неизбѣжно окажутся нѣкоторыя неточности перевода или изложенія; тѣмъ не менѣе трудъ г. Малышева есть трудъ гигантскій. Онъ не можетъ пройдти незамѣтно и долженъ обратить на себя всеобщее вниманіе.

И. Фойницкій.

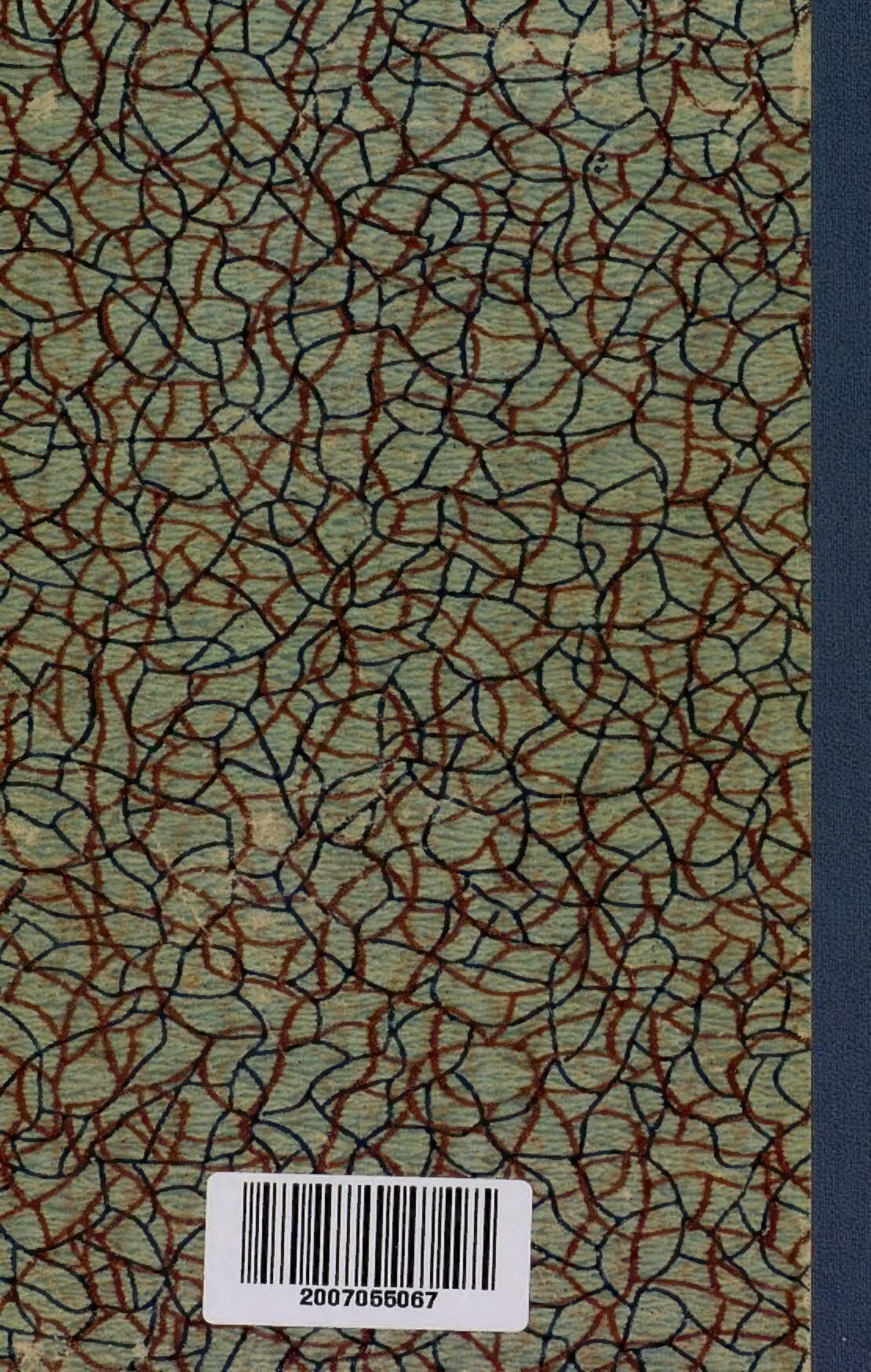
(Профессоръ Имп. С.-Петербургскаго Университета).

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Государственныхъ Знаній», Т. VIII.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 26 Декабря 1880 года.

Въ типографіи В. Безобразова и К°.

(Вас. Остр., 8 л., № 45).

2007055067